

Посвящается Кристин Нельсон

Школа для слепых Джейн Такер

МЭЛОРИ СТОИТ В ПУСТОМ КАБИНЕТЕ, вжавшись спиной в кирпичную стену.

Дверь заперта. Свет выключен. Глаза защищены повязкой.

За дверью, в коридоре, уже началась резня.

Тогда в доме, пока она рожала Тома, ее соседи, еще несколько минут назад совершенно нормальные, так же рвали себя и друг друга на куски. Мэлори хорошо помнит эти звуки, они много лет преследуют ее в кошмарах.

Сейчас Том остался где-то там, посреди безумия.

Вдох. Пауза. Выдох.

Мэлори тянется к ручке. Прислушивается к воплям. Нужно отпереть дверь, выйти и найти детей.

В коридоре раздаются глухие удары. Кто-то бьется головой о стену.

Мэлори отдергивает руку.

Олимпиаду она последний раз видела в библиотеке. Девочка читала книгу для сле-

пых. С ней было еще человек двенадцать — слушали музыку (из школьных репродукторов до сих пор звучит классика).

Мэлори старается различить голоса в библиотеке. Надо понять — дошло ли безумие и туда. Если дошло, она сначала пойдет искать Тома.

Мэлори напрягает слух.

Она никогда не будет слышать так же хорошо, как ее дети. Но за годы жизни в школе для слепых имени Джейн Такер она успела кое-чему научиться.

Слишком шумно. В общем хаосе невозможно различить отдельные голоса.

Мэлори вспоминает про слепую Анетт. Всего несколько минут назад Мэлори направлялась в столовую, и вдруг кто-то испуганно закричал: «Анетт, что с вами?!» Потом из-за угла показалась сама Анетт — она шла по коридору с ножом в руках, полы синего халата и длинные рыжие волосы развевались от быстрой ходьбы. Мэлори отметила ее бессмысленно блуждающий взгляд, быстро зажмурилась и замерла.

«Она же слепая! Почему она сошла с ума?» — подумала тогда Мэлори.

Анетт, тяжело дыша, прошла мимо. Откуда-то донесся истошный вопль. Мэлори, не открывая глаз, пятилась в ближайший класс и заперла дверь.

Мэлори снова тянется к ручке. Тома она оставила в учительской, он сидел, глядя на обломки своего последнего изобретения. Ее шестилетний сын вечно что-то изобретает, как и Том-старший. По идее, умилительно. В прошлой жизни Мэлори обязательно умилилась бы. Теперь, в новом мире, она ломает все его поделки и напоминает сыну — повязке и только повязке можно доверять.

Но как же Анетт? Она слепа. И тем не менее безумна.

В коридоре творится что-то невообразимое. Дерутся двое. Судя по голосам, мужчина и женщина. По звукам Мэлори ясно представляет себе всю картину. Противники царапают, рвут друг друга. Стараются выдавить глаза, душат. Хрустнула кость, кто-то разорвал противнику горло.

Неужели это возможно? Голыми руками...

В закрытую дверь ударяется тело и сползает на пол. Победитель тяжело дышит.

Вдох. Пауза. Выдох. Мэлори старается унять панику и слушать. Надо отключиться от тяжелого дыхания за дверью, от криков обезумевших и попытаться различить отдельные слова — понять, что происходит там, где находятся дети. Она снова вспоминает роды — на чердаке, в первом доме. Там было гораздо меньше народу, чем здесь. Вспоминает, как кто-то закричал внизу: «Не открывай окно!»

Кто из них тогда сорвал с окон одеяла?

Дыхания за дверью больше нет, зато звуки из дальнего конца коридора стали громче — люди бьются о стены, колотят друг друга. Изредка еще слышны разумные голоса.

Мэлори открывает дверь.

В коридоре ничего не происходит. Никто к ней не бежит. Все тихо. Тот, кто стоял за дверью, ушел. Из глубины здания доносятся жуткие крики. Предсмертные хрипы и мольбы. Трещит под ударами кулаков деревянная обшивка стен. Люди вопят, выкрикивают что-то бессмысленное. Плачут дети. В репродукторах играет классическая музыка.

Мэлори перешагивает через тело, выходит из класса и идет вдоль стены. Ревет сигнализация. Значит, кто-то

открыл входную дверь. Ритмичные гудки сирены перекрывают музыку из репродукторов. Сочетание настолько нелепо, что Мэлори пугается — вдруг она уже сошла с ума?

Где-то там, в этом ужасе, ее дети.

Мэлори не хочет даже представлять происходящее, она старается отгородиться, мысленно еще раз закрыть глаза — плотно сомкнуть веки, надежно защищенные повязкой.

Дрожа, она скользит вдоль стены, подавляя желание позвать Тома и Олимпию.

Вдох. Пауза. Выдох.

Кирпичная стена цепляет ткань ее белой майки на спине, выступы царапают обнаженные плечи и руки. Она подходит к концу коридора — рыжая Анетт с большим ножом в руках бежала оттуда — из-за угла. Вой сирены громче. Крики раздаются совсем близко. Кто-то идет навстречу; слышны тяжелые шаги и пыхтение — видно, человек не привык к быстрой ходьбе.

Мэлори замирает.

Он прошел мимо, тяжело дыша и бормоча себе под нос. В своем ли он уме? Мэлори не знает. И откуда ей знать? Она скользит дальше, прижавшись спиной к стене, и думает, что благодарна за два прожитых под этой крышей года. За приют. Но ужас быстро вытесняет признательность. Случилось страшное — все-таки случилось.

Будь начеку! — ее главная заповедь. Она нарушила ее, расслабилась и вот — потеряла из виду детей.

Музыка и вой сигнализации становятся громче. Раздается звон — удар металла о металл.

Мэлори слышит чужих детей, однако не пытается успокоить. Не пытается нащупать их и помочь. Она

продолжает двигаться, вжавшись в стену и до крови царапая кирпичами спину.

Кто-то шлепает по полу, шаги приближаются. Мэлори задерживает дыхание. Идущий останавливается перед ней.

— Мэлори?

Понятно, глаза открыты. Женщина. Мэлори пока ее не узнала.

— Пожалуйста, отойдите! — слышит она собственный голос.

И вспоминает, как шесть лет назад на чердаке она так же умоляла оставить ее в покое.

— Мэлори, что случилось? — говорит женщина.

Кажется, ее зовут Фелис. Только это не важно, главное — в своем ли она уме.

— Они что... пробрались внутрь? — спрашивает женщина. Потом добавляет: — Все сошли с ума!

Мэлори молча идет дальше. Вполне возможно, женщина вооружена.

— Не ходи туда! — предостерегает женщина, задерживая Мэлори за руку.

Мэлори вырывается, стукнувшись локтем о стену.

— Ты что? — возмущается женщина. — Думаешь, я тоже сумасшедшая?

Мэлори двигается дальше, вытянув перед собой руки, на случай если женщина попытается напасть. В конце коридора — Мэлори помнит — стоит большой стеклянный шкаф, в котором хранятся школьные кубки и награды. И все же она не успевает вовремя помедлить и врезается в него плечом.

Резкая боль, теплые ручейки крови. Мэлори вскрикивает, однако ее голос тонет в нарастающем шуме. Она идет дальше, пальцами оставляя на стене кровавый след.

Шум приближается — лязг ножей, удары кулаков, визги, вопли.

Кто-то трогает ее за плечо. Мэлори быстро оборачивается и наугад толкает — руки проваливаются в пустоту. Рядом — никого. По спине бегут мурашки.

Она думает про Анетт, обезумевшую несмотря на слепоту. Да, люди теряли рассудок и до нашествия, но безумие, которое насылают твари, ни с чем невозможно перепутать. Анетт явно тронулась умом не сама по себе. Как же они до нее добрались, если она невидящая?

— Мама!

Мэлори замирает. Кричат издалека. Неужели это Олимпия, ее приемная дочка?

— Да выключите вы музыку! — говорит Мэлори вслух, чтобы услышать собственный голос — голос разумного человека. Идет дальше, нащупывает доску объявлений на стене — последние два года она читала здесь анонсы школьных мероприятий.

Впереди визжат, трещит деревянная обшивка. Мимо пробежал человек, в погоню за ним — другой.

Мэлори не издает ни звука, идет вдоль стены. Дрожат колени, болит порезанное плечо. Она прислушивается, старается различить детский голосок, который только что ее позвал. Прорвался на секунду и потонул в шуме побоища, развернувшегося в холле.

Мэлори заставляет себя идти — пусть медленно, только не останавливаться. Быть начеку, стоять на ногах.

Кричит ребенок. Мальчик. Кажется, уже сумасшедший.

Вдох. Пауза. Выдох.

Мэлори идет. Ужасные звуки становятся громче — все обитатели школы разом лишились рассудка. Кричит еще один ребенок. Потом еще.

— Они проникли внутрь, — говорит она.

На этот раз собственный голос ее не успокаивает.

Справа сильно хлопает дверь, дом сотрясается от удара. Впереди и немного слева дребезжат колеса, и что-то врежется в кирпичную стену (наверное, столовая тележка). Люди выкрикивают грязные ругательства.

Мэлори отказывается представлять происходящее. Лица мужчин и женщин, которые два года делили с ней кров. Следы побоев, кровь. Остатки еды на стене, куда въехала тележка. Поломанные вещи. Мэлори боится даже думать. Можно сойти с ума от одной мысли.

Однако главное — не представлять тварей. Строго-настрою себе запретить!

Что-то бьет по больному плечу. Мэлори накрывает ушибленное место ладонью. Она боится прикосновений. Вспоминает Анетт. К Анетт прикоснулись... Неужели они научились... трогать?

Нет, наверное, просто отлетела щепка. Или обломок кирпича. Или чей-то палец, отрубленный в драке.

Женский вой. И вдруг — Мэлори прислушивается, — снова детский голос.

— Мама! — раздается совсем рядом, и маленькая ручка ложится в ее ладонь. Это Олимпия!

— Пойдем! — тянет Олимпия.

Безумие в холле достигло пика. Мэлори не спрашивает, почему они идут прямо на шум драки, а не в другую сторону. Значит, там Том. Нужно пересечь холл, чтобы его найти.

Олимпии всего шесть, однако Мэлори ей доверяет. Она идет за дочкой и плачет. Ей кажется, она снова в доме и Дон сорвал с окон защиту. Только на этот раз она не наверху, а внизу, вместе с остальными. В тот день

погиб Том-старший. В честь него Мэлори назвала сына. На самом деле, тогда Мэлори была в относительной безопасности — ее поместили на чердак. А сейчас она в самой гуще, побоище развернулось совсем рядом, а не этажом ниже. Люди теряют человеческий облик. Еще недавно здоровые мужчины и женщины крушат все вокруг, изрыгают ругательства, истязают себя, кидаются друг на друга.

Грохот — упало что-то очень большое. Потом — звон разбитого стекла.

Теперь Мэлори не смогла бы расслышать, что говорит дочка. Они пробираются через дерущихся. Олимпия крепче сжимает руку. Кто-то толкает Мэлори в бок, она бьется плечом о каменную стену. Некоторые голоса еще узнаваемы. Мэлори с детьми прожила в школе два года. Со всеми познакомилась. Даже подружилась. Хотя считала ли она обитателей школы друзьями?

Мэлори рада, что так неукоснительно соблюдала правила безопасности, несмотря на насмешки окружающих. Обитатели школы не понимали, зачем она носит повязку в помещении. О, как они злились! Считали ее высокомерной.

— Том! — Это голос Олимпии (если только не показалось).

Мэлори назвала мальчика в честь другого Тома — мужчины, который стал для нее идеалом, который умел радоваться жизни даже в самые жуткие времена. Том-младший растет точной копией взрослого Тома, хоть и не приходится ему сыном.

Несмотря на все запреты, он вечно что-то выдумывает: то хочет сделать более надежные повязки, то заколотить окна досками и нарисовать на наружной стене ложное окно в «их комнату» — то есть в класс, где они

прожили два года. Не во власти Мэлори запретить ему думать, однако она может запретить *делать*.

Неожиданный удар в висок. Мэлори останавливается и размахивает руками, старается попасть по ударившему.

Олимпия настойчиво тянет дальше, в самый центр потасовки.

Мэлори уже не в состоянии говорить — кругом толкаются и выкрикивают ругательства, повсюду что-то падает, разбивается.

А если представить, что это праздник, и люди кричат от радости? Танцуют, громко топая ногами. Никакого ужаса. Наоборот — всеобщее веселье.

Том-старший, наверное, так и делал. Обманывал себя. Если он смог, Мэлори тоже должна научиться.

— Том тут! — объявляет Олимпия.

На этот раз Мэлори отчетливо ее слышит. Значит, холл остался позади.

— Где?

— Здесь.

Мэлори протягивает руку и нащупывает дверной проем.

В комнате кто-то есть — она чувствует запах.

— Том, это ты? — спрашивает она.

— Да, мама.

Слышно по голосу, что он улыбается — горд собой.

Мэлори садится перед сыном на корточки и проводит по его лицу. Глаза закрыты чем-то вроде картонки. Совсем как Том-старший... Тот скотчем приматывал диванные подушки к голове.

Мэлори вздыхает с облегчением. Да, кругом безумие. Но дети с ней — это главное.

